О НРАВСТВЕННОМЪ

ОТНОШЕНІИ РОССІИ

КЪ ЕВРОПѢ.

Rapports de la Russie avec l'Europe, considérés au point de vue moral et politique.

ЛЕЙПЦИГЪ:

F. A. BROCKHAUS.

1869.

О НРАВСТВЕННОМЪ

ОТНОШЕНІИ РОССІИ

КЪ ЕВРОПѢ.

Rapports de la Russie avec l'Europe, considérés au point de vue moral et politique.

ЛЕЙПЦИГЪ:

F. A. BROCKHAUS.

—

1869.

Ф. 28-1996

Въ типографіи Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.

I.

Революціонная буря 1789 года, взволновавшая Францію, дала себя почувствовать въ различныхъ государствахъ Европы. Россія осталась неприкосновенною. Екатерина, ополчаясь, на словахъ, противъ революціи, не посылала войскъ сражаться съ нею.

Роль защитника поколебленныхъ порядковъ въ Европѣ, взялъ на себя Павелъ I. Это опрометчивое вмѣшательство съ усиліемъ направлять политическими судьбами Европы, едва-ли можетъ быть оправдано истинными пользами Россіи: республиканская Франція не могла, ни въ какомъ отношеніи, быть опасною для Россіи, не имѣла противъ нея ничего враждебнаго, между тѣмъ какъ Австрія, даже и въ то время, когда Россія великодушно, хотя и безразсудно, по-

спѣшила ей на помощь, оказала уже своему союзнику ту постоянную, послѣдовательную непріязнь, которую Россія всегда испытывала, но которую поняла только въ самыя послѣднія времена, когда императоръ Николай I, послѣ венгерской войны, проѣзжая, въ Варшавѣ, мимо статуи Собѣскаго, указавъ на нее, сказалъ: Вотъ первый, который ошибся; а я второй. Война предпринятая Павломъ I прославила русскую армію и великаго русскаго полководца; но кончилась цюрихскимъ сраженіемъ. Слава была такъ громка, что она, нѣкоторымъ образомъ, покрывала цюрихскую неудачу; такъ что Россія опять могла бы вступить въ то, если не неутральное, то, по крайней мѣрѣ, безучастное положеніе, въ которомъ оставила ее Екатерина. Но, такъ сказать, втянутая въ омутъ европейской политики, она, при Александрѣ Iмъ, возобновила войну съ Франціею. Съ сего времени вниманіе и усилія русскаго правительства были направлены преимущественно на дѣла внѣшнія, на дѣла военныя; оставались въ сторонѣ, въ тѣни, въ застоѣ, дѣла внутреннія, внутреннее устройство,

внутреннія преобразованія, въ коихъ уже и тогда, по мѣрѣ сближенія ея съ Европою, Россія начинала чувствовать настоятельную нужду и необходимость. Война, пожирая людей, пожирала и достояніе народа. Явнымъ, неоспоримымъ признакомъ обѣдненія и государства и народа служили наши ассигнаціи, упадшія до $^1/_3$ и даже до $^1/_4$ нарицательной своей цѣны. А бумажныя деньги не только служатъ признакомъ обѣдненія уже совершившагося, но дѣлаются причиною, такъ сказать, неизбѣжнымъ, роковымъ орудіемъ дальнѣйшаго обѣдненія и, вмѣстѣ непреодолимымъ препятствіемъ къ улучшенію хозяйственнаго быта государства, къ обогащенію народному.

Чувствуя всѣ невыгоды, всю тяжесть печальнаго положенія своихъ финансовъ, предвидя, сверхъ сего, можетъ быть, въ недалекомъ будущемъ, новую войну, правительство обратило особое вниманіе на исправленіе этихъ финансовъ, на введеніе новыхъ налоговъ и, особенно, на уменьшеніе огромной массы ассигнацій. Но время текло быстро и скоро насталъ 1812 годъ. Тогда пожертвованіямъ не было ни мѣры,

ни конца. Русскій народъ далъ сильный, могущественный отпоръ сильному и могущественному завоевателю. Русскій императоръ привелъ европейскія арміи въ Парижъ. Собравшійся въ Вѣнѣ конгрессъ былъ прерванъ новымъ появленіемъ Наполеона. Послѣ вторичнаго низверженія Наполеона, послѣдовало новое умиротвореніе Европы.

Въ этотъ моментъ, особливо въ 1814 году, не было на свѣтѣ имени болѣе чтимаго, скажемъ: болѣе любимаго, какъ имя Александра Iго. Но почти тогда же происходилъ переворотъ въ мнѣніяхъ, въ чувствахъ, въ вѣрованіяхъ императора. Уже въ 1815 году, въ бытность его въ Парижѣ, возникла въ императорѣ мысль о святомъ союзѣ, но возникла во всей своей чистотѣ, или, по крайней мѣрѣ, невинности. Виды и намѣренія политическія, которыя оказались въ семъ предпріятіи послѣ и привели общее мнѣніе Европы къ заключенію, что священный союзъ былъ не что иное, какъ союзъ царей противъ народовъ, эти виды и намѣренія были тогда, въ началѣ, совершенно чужды императору, одушевленному

и вдохновенному въ этотъ моментъ единственно чувствомъ христіанскимъ. Даже въ Вѣнѣ, во время конгресса, дѣйствія императора вѣрно соотвѣтствовали обычнымъ либеральнымъ его чувствамъ и воззрѣніямъ. И тогда онъ одобрялъ еще стремленія народовъ къ свободѣ, одобрялъ постановленія конгресса о введеніи представительнаго образа правленія въ нѣмецкихъ государствахъ; поддерживалъ обще-народные интересы въ Швейцаріи и пріобрѣлъ за то особенную любовь и признательность со стороны швейцарцевъ; ласково принималъ и ободрялъ англійскихъ пегрофиловъ; настоялъ на возстановленіи Польши и на дарованіи ей конституціи и наконецъ — что было не послѣднимъ достоинствомъ въ глазахъ честныхъ людей — презиралъ Меттерниха! Послѣ конгресса и послѣ втораго умиротворенія Европы императоръ явилъ новое, важное, знаменительное — и увы! — послѣднее свидѣтельство своихъ человѣколюбивыхъ, либеральныхъ правилъ въ рѣчи, произнесенной имъ при открытіи засѣданій польскаго сейма, въ которой онъ обѣщалъ конституцію Россіи.

Кто знаетъ, кто можетъ угадать послѣдствія удачнаго исполненія великодушныхъ преднамѣреній и предначертаній императора? Что могло бы послѣдовать и въ Россіи, если бы поляки разумно и честно пристали къ императору и помогли, или, по крайней мѣрѣ, позволили ему осуществить на дѣлѣ то, что онъ давалъ имъ въ словахъ и на бумагѣ? Позволительно, по крайней мѣрѣ, полагать, что неудачная попытка установить въ Польшѣ либеральный образъ правленія, могла содѣйствовать тому печальному перевороту, который произошелъ въ мнѣніяхъ и въ чувствахъ императора: онъ могъ охладѣть не только къ людямъ, которые казались ему противящимися его благимъ намѣреніямъ и дѣйствіямъ, но и къ самому дѣлу, тому либеральному дѣлу, которое онъ долженъ былъ оставить и отказаться, такимъ образомъ, отъ прежней своей мысли, отъ прежнихъ стремленій.

Какъ бы то ни было, но переворотъ, о коемъ мы говоримъ, совершился. Однимъ изъ первыхъ знаменій этаго переворота, опечалившимъ всѣхъ честныхъ людей въ Европѣ, искренно чтившихъ и любившихъ

Александра Iго, было стремленіе его къ сохраненію, къ безпрестанному увеличенію военной силы, арміи.

Въ 1815 году, по заключеніи мира, императоръ изумилъ Европу смотромъ при Вертю, гдѣ 150ти тысячная армія явилась во всеоружіи и въ самомъ блистательномъ видѣ. Изумленіе продолжалось и по пути возвращавшихся войскъ въ Россію. За каждымъ полнымъ полкомъ шли цѣлые взводы свѣжихъ, здоровыхъ, хорошо одѣтыхъ, хорошо накормленныхъ, но безоружныхъ солдатъ. Это были сверхкомплетные.

Вездѣ въ Европѣ ожидали, что съ прекращеніемъ войны, прекратятся и эти несмѣтныя арміи, истощавшія народъ во всѣхъ государствахъ и уменьшавшія производительныя силы народныя, въ коихъ, болѣе нежели когда либо, настояла самая существенная нужда. Но когда первенствующее военное государство въ Европѣ, когда Россія продолжала содержать и увеличивать армію въ столь великихъ размѣрахъ, то другія государства не могли помышлять о столь сильно желанномъ и столь логическомъ обезоруженіи. Это породило явное нерасположеніе и недо-

вѣріе въ Европѣ къ русскому правительству. Нѣкоторыя высокопоставленныя лица въ Европѣ и при томъ душевно преданныя императору, доводили до его свѣденія то печальное впечатлѣніе, которое производило на Европу сохраненіе огромной арміи въ Россіи, когда повсюду возстановленъ миръ и когда народы всего болѣе желали отдохнуть отъ страшной войны и поправить, елико возможно, глубоко разстроенное свое собственное и государственное состояніе.

Нерасположеніе и недовѣріе къ Россіи усилились при появленіи новыхъ признаковъ совершеннаго измѣненія въ видахъ и въ политикѣ русскаго правительства. Эти признаки ознаменовывались по большой части, на различныхъ конгрессахъ, которые слѣдовали тогда одинъ за другимъ. На каждомъ изъ сихъ конгрессовъ возглашались проклятія такъ называемому духу времени, проклятія людямъ, кои будто бы стремились къ низпроверженію всѣхъ правительствъ, всѣхъ властей, всѣхъ порядковъ, и т. д. На одномъ изъ сихъ конгрессовъ русское правительство пред-

приняло преслѣдованіе нѣмецкихъ университетовъ; Стурдза былъ печальнымъ глашатаемъ этихъ преслѣдованій, Коцебу — несчастною ихъ жертвою. На другомъ, русскій императоръ поддержалъ Шатобріана въ предпріятіи войны противъ Испаніи, съ цѣлію уничтожить испанскую конституцію и возвратить королю самовластіе, вопреки политикѣ перваго министра Виллеля. На третьемъ, русскій императоръ обѣщалъ послать 30 т. русскаго войска для подавленія революціи въ Неаполѣ и возстановленія также неограниченной власти короля. Императоръ вездѣ въ Европѣ видѣлъ революціонеровъ, всему угрожающихъ. Это его воззрѣніе простиралось до того, что, наконецъ, даже и въ несчастныхъ грекахъ, которые возстали противъ нестерпимаго ига турецкаго, онъ видѣлъ только нарушителей порядка, революціонеровъ, и удалилъ отъ себя самаго честнаго и умнаго изъ всѣхъ своихъ министровъ — Каподистріа.

Не только въ политическомъ, но и въ религіозномъ отношеніи являлись измѣненія въ образѣ мыслей и дѣйствій императора. Такъ, на примѣръ, извѣстная

госпожа Крюднеръ, съ которою, въ интимныхъ бесѣдахъ, императоръ разсуждалъ о „священномъ союзѣ“ въ Парижѣ (1815), была выслана изъ Петербурга. Учрежденное, въ эти же времена, подъ непосредственнымъ покровительствомъ государя, Библейское Общество, было уничтожено; одинъ министръ просвѣщенія былъ низверженъ; на его мѣсто опредѣленъ другой съ противными прежнимъ направленіями. Въ одномъ только была постоянная послѣдовательность: это въ преслѣдованіи просвѣщенія, въ чемъ равно согласовались оба, во всемъ прочемъ разномыслящіе, министра просвѣщенія, такъ что, какъ было замѣчено въ одной весьма замѣчательной статьѣ „Вѣстника Европы“, одинъ и тотъ же агентъ преслѣдованія, служилъ обоимъ министрамъ.

Тайну, разгадку такихъ несчастныхъ заблужденій императора, разгадку если не полную, то, по крайней мѣрѣ, неоспоримую до нѣкоторой степени, должно искать въ томъ, что тотъ самый Меттерних, котораго императоръ Александръ презралъ въ Вѣнѣ, во время конгресса, пріобрѣлъ послѣ полную его

довѣренность. Оставшійся же послѣ Каподистріа министръ иностранныхъ дѣлъ, былъ не что иное какъ старшiный послушникъ Меттерниха.*)

Конечно авторитетъ, вліяніе императора Александра Iго на Европу продолжали быть весьма сильными. Если Европа его уже не любила, то она его боялась. Россія продолжала любить Александра..... Но люди мыслящіе глубоко соболѣзновали о неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ новой политики императора. Не говоря уже о печальномъ дѣйствіи на умственное развитіе русскаго народа, эта политика истощала, изнуряла Россію въ ея экономическомъ быту: почти половина государственныхъ доходовъ издерживалась

---

*) Бывшій въ Вѣнѣ посломъ г. Т.... въ, разсказывалъ слѣдующее:

Au congrès d'Aix-la-Chapelle, il (l'empereur Alexandre) avait changé, c.-à-d. abandonné ses idées libérales. Après une conversation de deux heures avec Metternich, celui-ci se rendit chez l'empereur François II et lui dit: «l'Europe est sauvée: l'empereur Alexandre n'est plus libéral!» Хорошо спасеніе Европы въ смыслѣ Меттерниха! Сама Австрія не спаслась отъ этаго спасенія!

на содержаніе огромной арміи. Всѣ начальства, не исключая и начальствъ военныхъ, были обязаны изыскивать всѣ возможныя средства для сокращенія расходовъ, что̀ не могло не отзываться вреднымъ образомъ на управленіи различныхъ частей и даже на столь и безъ того бѣдственномъ положеніи нашихъ бѣдныхъ солдатъ. Какъ ни странно это покажется, но мы не можемъ не замѣтить, что даже въ учрежденіи военныхъ поселеній, стоившихъ столько денегъ и столько крови, правительство искало, между прочимъ, средствъ для сокращенія издержекъ: поселенные солдаты и крестьяне должны были, по ожиданіямъ правительства, содержать и кормить армію!! Издержки производительныя, для пользы общей предназначаемыя и которыя вознаграждаются сторицею общимъ преуспѣяніемъ, издержки, которыя, въ Россіи, возможны только для правительства, не могли уже имѣть мѣста въ росписи государственныхъ расходовъ. Для пополненія этой росписи новыми доходами, министръ финансовъ прибѣгалъ къ безпрестаннымъ изобрѣтеніямъ новыхъ налоговъ, новыхъ податей, не гнушаясь

даже продажею, въ пользу казны, рекрутскихъ квитанцій, для покупки коихъ несчастные крестьяне жертвовали всѣмъ, дабы только избавиться отъ рекрутства; казна же могла замѣщать откупившихся просто увеличеніемъ числа требуемыхъ съ народа рекрутъ; заботился особенно о приращеніи питейныхъ сборовъ, узаконялъ, одобрялъ обманъ и воровство цѣловальниковъ въ мелочной продажѣ вина *); приписывалъ рекрутъ къ казеннымъ заводамъ для работы — едва не каторжной — для того, между прочимъ, чтобы обложить подушною податью или оброкомъ тѣхъ крестьянъ, кои были уже приписаны къ этимъ заводамъ и

---

*) „Какимъ образомъ, спрашивали министра въ государственномъ совѣтѣ, цѣловальникъ можетъ продавать вино въ мелочной разливкѣ по той же цѣнѣ, по какой онъ покупаетъ оное гуртомъ или ведрами?“ — „Извѣстно, отвѣчалъ министръ, что ведро вина, розлитое по рюмкамъ, представляетъ всегда нѣкоторый остатокъ. Этотъ-то остатокъ и составляетъ прибыль цѣловальника!!“ Впрочемъ храбро отстаивая питейные сборы, министръ прибавилъ однажды, что и государь императоръ изволилъ сказать ему, что „самое пріятное донесеніе его будетъ то, когда министръ донесетъ, что доходъ отъ вина уменьшился!!“

которые до толѣ никакихъ налоговъ не платили; и когда нѣкоторые члены государственнаго совѣта возставали противъ непомѣрныхъ новыхъ и старыхъ налоговъ и неразумнаго ихъ разпредѣленія, то министръ съ жаромъ возражалъ, что увеличеніе доходовъ необходимо для содержанія арміи, а армія необходима для сохраненія спокойствія и порядка въ Европѣ, безпрестанно угрожаемаго революціонерами, карбонаріями, и т. д. Мудрые доводы министра не всегда, однакоже, убѣждали его противниковъ и, однажды, государственный совѣтъ, большинствомъ голосовъ, отвергнулъ одинъ изъ проэктовъ его, коимъ увеличивались старыя и вводились новыя подати крѣпостныя и съ гербовой бумаги. Тогда, по жалобамъ министра, дѣлались выговоры и замѣчанія нѣкоторымъ членамъ и не-членамъ совѣта; министру же предоставлялось подносить свои проэкты и роспись доходовъ и расходовъ напередъ самому императору, а потомъ уже вносить въ совѣтъ — какъ бы для свѣденія.

Таковой порядокъ вещей конечно не могъ способствовать улучшенію общественнаго быта, усиле-

нію производительности, словомъ развитію богатства народнаго. Напротивъ этотъ порядокъ приводилъ неизбѣжно къ общему обѣдненію. Наглядным признакомъ и доказательствомъ этаго обѣдненія служилъ и въ это время упадокъ, малоцѣнность бумажныхъ денегъ, — малоцѣнность, служащая, какъ мы и выше замѣтили, вмѣстѣ и послѣдствіемъ и причиною бѣдности: претерпѣвъ прямой убытокъ отъ упадка ассигнацій, убытокъ равняющійся цифрѣ сего упадка, народъ терпитъ, сверхъ того, въ своей промышленности и всякаго рода денежныхъ оборотахъ, какъ торговыхъ, такъ и просто житейскихъ, потому что никогда не можетъ быть увѣренъ въ дѣйствительности, въ прочности цѣнности своихъ денегъ, своихъ денежныхъ капиталовъ, въ торговлѣ и ремеслахъ обращающихся. Заимодавецъ, ссудившій, напримѣръ, 100/т. р. когда курсъ ассигнацій былъ $1^1/_2$ т. е. когда серебряный рубль стоилъ 1 р. 50 к., получивъ возвратно свой капиталъ тогда, когда серебряный рубль стоилъ уже 3 р. съ половиною, терялъ, очевидно, 2 р. асс. на каждомъ ссуженномъ имъ рублѣ. Купецъ, дѣлав-

шій спекуляцію, разсчитывалъ, что употребленный имъ капиталъ долженъ возвратиться ему черезъ годъ, или черезъ два съ надлежащею, здраво разсчитанною имъ прибылью. Но въ этотъ годъ или два ассигнаціи потерялн 1 р., можетъ быть и болѣе, и купецъ, вмѣсто заслуженнаго барыша, оставался въ накладѣ и, можетъ быть, вовсе разорялся. Какія спекуляціи возможны при такомъ денежномъ обращеніи? Не ясно ли, что безпрестанная шаткость въ курсѣ ходячей монеты, т. е. бумажной монеты, парализируетъ спекуляціи вообще и особенно самыя здравыя и добросовѣстныя?

Такое непрестанное, продолжительное обѣдненіе необходимо приводитъ къ самой бѣдности, даже къ нищетѣ. Бѣдность же народная ослабляетъ силы государства и слѣдственно самого правительства. Правительство сохранило конечно всю свою власть; но власть не есть еще сила. И шахъ персидскій, и султанъ турецкій облечены, въ своихъ земляхъ, полною властію; но сильны ли они въ отношеніи къ другимъ государствамъ? Бѣдность народная, какъ мы уже

замѣтили, лишаетъ всякое благонамѣренное, народолюбивое правительство содѣйствовать необходимыми пожертвованіями съ своей стороны, со стороны казны, многимъ и многимъ улучшеніямъ, усовершенствованію быта народнаго, развитію промышленности и труда народнаго, развитію самаго образованія и просвѣщенія народнаго. Правительство, въ таковыхъ обстоятельствахъ находящееся, какъ бы честно, добросовѣстно, разумно оно ни было, никогда не можетъ пользоваться, въ Европѣ, вполнѣ, тѣмъ вниманіемъ, тѣмъ уваженіемъ, наконецъ тѣмъ обаяніемъ (prestige), которое могло бы принадлежать ему по праву, въ силу благоразумія и возвышенности своей иностранной политики, въ силу многолюдности государства и, наконецъ, даже въ силу тѣхъ великихъ заслугъ предъ образованною Европою, которыя Россія нѣкогда ей оказала.

II.

Въ царствованіе Николая Iго былъ сдѣланъ важный, рѣшительный шагъ ко введенію въ Россіи необходимаго порядка въ денежномъ обращеніи, порядка, который долженъ всегда лежать въ основаніи всѣхъ возможныхъ преобразованій и улучшеній экономическаго быта въ государствѣ. Съ грѣхомъ пополамъ, т. е. пополамъ съ банкрутствомъ*), министръ

---

*) Банкрутство совершилось прежде, по мѣрѣ упадка бумажныхъ денегъ; но правительство старалось избавить себя отъ сознанія сего банкрутства, не замѣчая, что образуя новую монетную единицу изъ $3^1/_2$ старыхъ, тѣмъ самымъ оно признавало свою несостоятельность. „Цѣнность серебрянаго рубля измѣнялась“, говорилъ г. Канкринъ; но эти-то самыя измѣненія и означали, свидѣтельствовали несостоятельность правительства: оно не платило рубль за рубль, какъ было напеча-

финансовъ Канкринъ ввелъ въ обращеніе новую монетную единицу: серебряный рубль, включивъ въ оный 3½ прежнихъ, ассигнаціонныхъ рублей. Этимъ средствомъ онъ уменьшилъ нарицательную сумму всѣхъ существовавшихъ до толѣ ассигнацій и довелъ эту сумму до такихъ размѣровъ, при которыхъ новый рубль, хотя и кредитный, т. е. бумажный, могъ постоянно сохранить вполнѣ свою нарицательную цѣну т. е. цѣну 3½ прежнихъ рублей.

Мы не думаемъ, что это было лучшее средство приведенія въ порядокъ нашего денежнаго обращенія. Мы, напротивъ, полагаемъ, и полагали, что гораздо проще, удобнѣе и добросовѣстнѣе было бы признать монетною единицею ту, которую признавалъ народъ, т. е. рубль ассигнаціонный, четвертакъ, или даже двугривенный, или, можетъ быть, 90 копѣекъ, соображаясь съ тогдашнимъ курсомъ ассигнацій, и, отказавшись отъ призрака серебрянаго рубля, который

тано на ассигнаціяхъ, не платитъ и теперь рубль за три рубля съ половиною, такъ какъ и по этому курсу не существуетъ свободнаго размѣна.

являлся единицею, составленною изъ $3^1/_2$ единицъ, выпустить новый рубль, коего дѣйствительная цѣнность была бы не въ 350 копѣекъ, а въ 80, или 100, или даже 90 копѣекъ мѣдныхъ, или ассигнаціонныхъ, копѣекъ не существующихъ конечно, или хотя и существующихъ, но въ недостаточномъ количествѣ и съ недостаточною удобностію для обращенія, но признаваемыхъ въ обращеніи народномъ. При разсмотрѣніи этаго дѣла въ государственномъ совѣтѣ, адмиралъ Грейгъ дѣлалъ предложеніе: опредѣлить монетною единицею четвертакъ, который тогда признавался въ обращеніи рублемъ.

Такимъ образомъ и наука и здравый смыслъ имѣли, въ семъ случаѣ, своего представителя въ государственномъ совѣтѣ.

Но объ этомъ мы теперь спорить не будемъ. Монетною единицею былъ признанъ прежній серебряный рубль, оцѣненный въ $3^1/_2$ прежнихъ ассигнаціонныхъ рублей. Оставалось заботиться только о томъ, чтобы этотъ новый рубль пребылъ твердымъ въ своей нарицательной цѣнѣ.

И дѣйствительно онъ сохранилъ эту цѣну на нѣкоторое время, при чемъ оказалось, если не ошибаемся, что денежное обращеніе въ Россіи могло вынести, безъ нарушенія этой цѣны новаго рубля, около 300 милліоновъ кредитныхъ рублей. При такомъ количествѣ бумажныхъ денегъ, нѣсколькихъ запасныхъ металлическихъ милліоновъ, достаточно было бы для постояннаго поддержанія однажды установленнаго курса, т. е. для поддержанія цѣны новаго кредитнаго рубля, посредствомъ повсемѣстнаго размѣна. Прпнудительный курсъ бумажныхъ денегъ подлежалъ бы тогда совершенной отмѣнѣ и упраздненію.

Крымская война низвергла только что установившійся порядокъ въ дѣлѣ денежнаго обращенія. Повторенный упадокъ и новыхъ „кредитныхъ“ ассигнацій былъ однимъ изъ горестныхъ результатовъ войны и при этомъ оказалось, что вмѣсто прежнихъ 700 мил. ассигнаціонныхъ рублей, тяготившихъ надъ Россіею, она имѣетъ теперь то же 700 мил., но не ассигнаціонныхъ, а кредитныхъ, исчисленныхъ, въ $3^1/_2$ прежнихъ рублей.

Къ огромнымъ, безчисленнымъ пожертвованіямъ и бѣдствіямъ, коихъ стоила русскому народу и государству Крымская война, какъ-то нечаянно загорѣвшаяся, прибавилась старая, но въ сильной степени увеличенная тягость чрезмѣрнаго количества бумажныхъ денегъ.

Кто можетъ взвѣсить, измѣрить громаду всѣхъ этихъ пожертвованій, бѣдствій и тягостей обременяющихъ русское государство? Кто не согласится, что это бремя давитъ особенно экономическій бытъ народа? Явные признаки народнаго всеобщаго обѣдненія въ Россіи представляются повсюду. Въ старину мы также не были богаты; но тогда мы это гораздо менѣе чувствовали. Мы имѣли тогда несравненно менѣе потребностей, жили просто, плохо, грубо, но болѣе или менѣе довольствовались тѣмъ, что имѣли; теперь другое дѣло: мы желаемъ теперь много такого, о чемъ прежде и не помышляли. Мы убѣдились, напримѣръ, что древняя система — посылать воеводъ на кормленіе, никуда не годится; что лучше давать имъ изъ казны порядочное жалованье. Для

насъ стало теперь почти невыносимымъ видѣть какъ наше духовенство, особливо сельское, питается самыми ненавистными, презрительными сборами съ прихожанъ, вмѣсто того, чтобы имѣть полное обезпеченіе въ быту своемъ, или жалованьемъ отъ казны, или опредѣленнымъ доходомъ отъ прихожанъ. Всѣ желали бы теперь улучшить, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать болѣе сноснымъ положеніе нашихъ солдатъ, коихъ денежное жалованье не находитъ себѣ подобія ни въ какомъ жалованьи въ мірѣ, коихъ продовольствіе таково, что данный имъ приварокъ былъ принятъ какъ великое улучшеніе и благодѣяніе. Толпы мелкихъ чиновниковъ, пробавляющихся взятками, также мало роскошествуютъ. Много толкуютъ у насъ и уже давно, о разпространеніи образованія, особенно о школахъ для народа. Многое было и сдѣлано, по крайней мѣрѣ, предпринято въ семъ отношеніи. Но что значитъ все сдѣланное въ сравненіи съ тѣмъ, что еще необходимо сдѣлать! Всѣ чувствуютъ необходимость имѣть порядочныя пути сообщенія; по каковы наши дороги? Столь теперь утѣшительное по-

строеніе желѣзныхъ дорогъ свидѣтельствуетъ болѣе о способности, объ искусствѣ, о предпріимчивости нашихъ промышленниковъ, нежели о богатствѣ народномъ. Каковы даже мостовыя и въ столичныхъ городахъ? Газъ едва начинаетъ освѣщать наши города, тогда какъ въ иныхъ земляхъ онъ освѣщаетъ даже и деревни. Люди, видѣвшіе за 40, или 50 лѣтъ наши города, большіе и малые, наши села, наши деревни, гдѣ бы то ни было въ Россіи, за весьма немногими исключеніями, и то почти только въ столицахъ, найдутъ все въ томъ же состояніи какъ за полвѣка. Особенно села и деревни наши едва-ли сколько нибудь поправились съ того времени; а если нѣкоторыя и поправились, то только съ 1861 года.

Наглядным признакомъ существующаго у насъ экономическаго застоя представляется Москва съ ея населеніемъ, столь медленно увеличивающимся. Населеніе Петербурга увеличилось гораздо сильнѣе, нежели московское; но это особенно и даже исключительно въ слѣдствіе присутствія въ Петербургѣ правительства. Въ столичныхъ городахъ Европы на-

селеніе иногда увеличивается по той же причинѣ пребыванія въ нихъ правительства; по сверхъ сего другія экономическія причины существуютъ тамъ для увеличенія населенія. Обыкновенно столичные города бываютъ средоточіемъ дѣлъ торговли, промышленности. Москва также, въ нѣкоторой степени, служитъ средоточіемъ торговли для одной значительной части государства. Нравственное развитіе русскаго народа имѣетъ источникомъ и Москву, почти на столько же какъ и Петербургъ. Судя по сему, можно было бы ожидать, что московское населеніе должно возрастать сильнѣе, скорѣе, подобно всѣмъ большимъ городамъ Европы. Между тѣмъ мы видимъ, что она далеко отстала въ народонаселеніи отъ большихъ городовъ Европы.

Перенеситесь въ Европу и сдѣлайте то же сравненіе. Вы найдете, что въ послѣднія 50 лѣтъ, вездѣ общій, матеріальный бытъ улучшился въ сильной степени. Вы найдете, на примѣръ, въ Германіи, новые города выстроенные подлѣ, или около старыхъ, такъ какъ въ Дрезденѣ, Лейпцигѣ, Франкфуртѣ. По дерев-

нямъ вы увидите вездѣ новыя постройки, новыя заведенія, свидѣтельствующія о народномъ преуспѣяніи. То же встрѣтите вы въ Англіи, Франціи, Бельгіи и пр. Конечно, въ иныхъ мѣстахъ вы наткнетесь на экзажерацію; но гигантскія проказы Г^на Гаусмана, умѣвшаго издержать сотни милліоновъ безъ вѣдома камеры депутатовъ, свидѣтельствуютъ, не менѣе того, о высокой степени богатства народнаго: милліоны истрачены неправильно, безразсудно; но эти милліоны нашлись, они были на лицо. Бросать милліонами могутъ только люди богатые; бѣднякъ, при всей охотѣ, при всемъ искусствѣ своемъ, не можетъ слѣдовать за богачемъ: на первомъ шагу, при растратѣ незначительной суммы, онъ вовсе разорится и изчезнетъ.

III.

По всѣмъ представленнымъ нами до селѣ соображеніямъ и изъясненіямъ, которыя можно было бы продолжать до безконечности, мы приходимъ къ заключенію:

что Россія, въ слѣдствіе продолжительнаго обѣдненія, дошла, наконецъ, до такой степени ослабленія государственнаго, на которой даже и 70ти милліонный народъ долго оставаться не можетъ, не утративъ того обаянія, которое ему всегда принадлежать должно;

что гораздо благоразумнѣе признать этотъ неоспоримый фактъ бѣдности и недостатка силъ, нежели ласкать себя химерами о многочисленности населенія, о естественныхъ, неразработанныхъ еще богатствахъ, въ нѣдрахъ земли сокровенныхъ, о черноземѣ и также о чудесныхъ, одному русскому народу свой-

ственныхъ качествахъ и дарованіяхъ, также таящихся еще подъ спудомъ его малообразованности и малоправности. Прибавимъ къ сему:

что величіе Россіи въ ея отношеніяхъ къ другимъ государствамъ, что вліяніе русскаго правительства на Европу, доходившее, какъ это было при Александрѣ I, до самой высокой степени, основывалось единственно на физической крѣпости и на многочисленности русскаго народа. Въ войну 1813 и 14 годовъ, когда императоръ Александръ I привелъ союзныя войска въ Парижъ, русская армія была самая многочисленная. Такъ называемая Силезская армія, подъ командою Блюхера и Гнейзенау, почти вся состояла изъ русскихъ полковъ. Но давая солдатъ, Россія имѣла *денежныя и другія всякаго рода пособія* отъ другихъ государствъ. Не говоря уже объ Англіи, которая, вмѣсто солдатъ давала гинеи, въ видѣ субсидій*), Германія, своими пожертвованіями, покрывала

*) Мы не знаемъ всей суммы англійскихъ субсидій; но намъ извѣстно, что при открытіи послѣдней кампаніи, въ 1815 г. Англія уплатила тремъ великимъ державамъ: Россіи, Австріи и Пруссіи 5 мил. фунт. стерл. (125 мил. фр.).

значительную часть издержекъ для русской арміи. Пожертвованія одной Саксоніи, бывшей подъ управленіемъ русскаго генералъ-губернатора, простирались до 100 милліоновъ франковъ, которые русское правительство получило въ видѣ различныхъ налоговъ, равно какъ и въ видѣ всякаго рода реквизицій и поставокъ, уплаченныхъ чистыми деньгами изъ саксонскихъ кассъ и потому вошедшихъ въ счетъ. Отъ прочихъ земель, бывшихъ въ управленіи союзныхъ державъ, между коими были два генералъ-губернаторства подъ русскимъ управленіемъ, русское правительство имѣло на свою долю дохода обыкновеннаго около 10 мил. фр. и экстреннаго, отъ продажи соли, табаку, отъ выручки свидѣтельствъ по проданнымъ лѣсамъ, отъ почтовыхъ сборовъ, и пр. и пр. также около 10 мил. фр. Кромѣ такихъ пожертвованій, вошедшихъ въ счетъ, было множество другихъ, кои ни въ какой счетъ войти не могли, и именно: постои войскъ съ продовольствіемъ, подводами, и т. п. Сверхъ сего, французское и бельгійское правительства, по особенному счету, заплатили союзнымъ державамъ

34½ мил. фр. за недобранныя подати. Изъ сей суммы русское правительство получило болѣе 10 мил. фр.

Въ 1815 году Германія также много способствовала продовольствію русской арміи; но на этотъ разъ, по предварительнымъ условіямъ, Россія уплатила вполнѣ обѣщанное вознагражденіе, опредѣленное не по настоящей цѣнности предметовъ, но только по цѣнности уменьшенной до ⅓. Во Франціи, въ тѣхъ департаментахъ, кои были въ 1815 г. въ районѣ русскаго управленія, жители также давали продовольствіе русскому войску, по крайней мѣрѣ, большую часть продовольствія. Такъ называемыя коммиссаріатскія поставки, т. е. сукно, холстъ и пр. для солдатъ, были дѣлаемы подрядомъ и русское правительство за нихъ платило. Кромѣ обыкновенныхъ налоговъ, кои русская администрація получала въ своемъ районѣ, она имѣла доходъ отъ продажи соли, найденной въ магазинахъ въ большомъ количествѣ, и пр. Наконецъ на долю Россіи пришлось изъ контрибуціи, уплаченной Франціею, 150 мил. франковъ.

Изъ сего видно, что великая сила, на много-

численности войска основанная, для дѣйствія, имѣла нужду въ помощи посторонней. Въ наши времена такая помощь, такое содѣйствіе немыслимы; да и самая сила, на одной многочисленности основывающаяся, много потеряла, въ послѣднія времена, своей прежней значительности. Мы видѣли, какъ въ послѣднюю войну въ Германіи, Пруссія возторжествовала надъ Австріею, конечно не многочисленностію своей арміи: австрійцы едва-ли ей, въ этомъ отношеніи, уступали; но превосходствомъ своего умственнаго, нравственнаго и гражданскаго образованія.

Грустно, невыразимо грустно было бы остановиться на такомъ печальномъ состояніи Россіи, какое мы здѣсь описываемъ, будучи убѣждены въ справедливости нашего взгляда, еслибъ вмѣстѣ съ симъ мы не имѣли никакой надежды на уврачеваніе, на изцѣленіе тѣхъ золъ, тѣхъ невыгодъ, кои лежатъ въ основаніи печальнаго положенія Россіи, однимъ словомъ: надежды на лучшую будущность нашей родной земли.

Нѣтъ! Первый лучь этой надежды блеснулъ для

Россіи въ 19й день Февраля 1861 года. Новый благодатный свѣтъ усиливался и разпространялся въ послѣдствіи „земскими учрежденіями“, преобразованіемъ судовъ и судопроизводства, введеніемъ суда присяжныхъ.

Въ потемкахъ работать нельзя; въ полусвѣтѣ весьма трудно. Для успѣшной, прочной работы нужент свѣтъ полный, постоянный, все озаряющій, все оживотворяющій. А, въ гражданскомъ быту своемъ, Россія этаго свѣта еще не имѣетъ. Онъ прольется на нее только съ появленіемъ представительнаго образа правленія, подъ благотворнымъ вліяніемъ и руководствомъ народолюбиваго правительства.

Мы не намѣрены здѣсь разпространяться о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыхъ введеніе представительнаго образа правленія могло бы имѣть на внутреннее положеніе Россіи; скажемъ только, что теперешнее русское правительство сдѣлало въ пользу Россіи все, что оно могло сдѣлать. Дальнѣйшаго добра можно

только ожидать отъ мощнаго содѣйствія правительству со стороны самого народа.

Перейдемъ теперь къ главному предмету нашей записки. Сказанное до селѣ было только необходимымъ приготовленіемъ къ разсмотрѣнію сего предмета. И такъ намъ остается указать, какія послѣдствія желаемое нами преобразованіе могло бы имѣть на положеніе Россіи въ ея отношеніи къ другимъ европейскимъ государствамъ.

IV.

Теперь Европа плохо знаетъ Россію, не желаетъ знать ее, не внимаетъ, не хочетъ слушать, зажимаетъ уши, когда ей говорятъ о Россіи что либо несогласное съ ея предразсудками и предубѣжденіями. Вмѣсто однихъ дипломатическихъ нотъ и офиціальныхъ извѣстій, коими Европа пробавляется теперь въ сношеніяхъ съ Россіею, она услышала бы тогда голосъ русскаго народа. Nolens volens этотъ голосъ вразумилъ бы ее. Скажемъ болѣе: просвѣщенная Европа увидѣла бы съ участіемъ, съ утѣшеніемъ водвореніе въ Россіи такого же образа правленія, какой она сама почитаетъ наилучшимъ и въ которомъ ищетъ собственнаго спасенія, видитъ залогъ своего благоденствія.

Нерасположеніе къ Россіи замѣтно во всей Европѣ.

Справедливо, или несправедливо это неблагорасположеніе, вопросъ не въ томъ; достаточно здѣсь для насъ того, что неблагорасположеніе существуетъ.

Найдутся, можетъ быть, такіе патріоты, которые возгласятъ: что̀ намъ до Европы, что̀ намъ до этаго гиблаго запада! Насъ 70 милліоновъ; мы обладаемъ девятою частью земнаго шара, и пр. и пр. и пр. Такъ могли говорить прежде китайцы, которые не видали и не признавали ничего на свѣтѣ, кромѣ Китая. Теперь и они, вѣроятно, иначе думаютъ. Но Россія вступила въ европейскую семью; она многое заняла и продолжаетъ занимать отъ Европы и, если она хочетъ итти впередъ, — а этого Россія, очевидно, хочетъ и доказываетъ это тѣмъ, что на самомъ дѣлѣ идетъ впередъ на столько, на сколько открывается предъ нею возможность итти, — то она должна слѣдовать по тому же пути, по которому шли всѣ европейскіе, образованные народы, по которому пошли

теперь нѣкоторые народы стоящіе не выше Россіи въ своей гражданственности и именно греки, румыны, сербы, славяне австрійскіе, венгерскіе и, наконецъ даже, — по крайней мѣрѣ въ наружныхъ формахъ, — египтяне. Инаго пути не существуетъ. Пренебреженіе въ отношеніи къ Европѣ, въ такомъ положеніи вещей, было бы ребячество.

Мнѣніе общее, какъ въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ, такъ мнѣніе общее всей Европы, имѣетъ всегда и не можетъ не имѣть извѣстную силу, извѣстное вліяніе, иногда слабое, но иногда и сильное, дѣйствительное. Пусть вспомнятъ, напримѣръ, о томъ времени, которое предшествовало Крымской войнѣ. Въ Европѣ, говоря вообще, мнѣніе общее было, очевидно, неблагопріятно для Россіи; это нерасположеніе къ Россіи доходило до того, что склонялось даже на сторону Турціи, какъ бы забывая о бѣдныхъ христіанахъ страждущихъ подъ турецкимъ игомъ. Въ Англіи это невыгодное для Россіи общее мнѣніе, имѣло рѣшительное вліяніе на совершившіяся тогда произшествія. Министерство лорда Абердина не хо-

тѣло войны съ Россіею; но было увлечено предразсудками и предубѣжденіями англійскаго народа. Голосъ такихъ людей какъ Кобденъ и Брайтъ, оказался безсильнымъ для предотвращенія войны. Какой же разсудительный человѣкъ останется послѣ сего равнодушнымъ къ общему европейскому мнѣнію? Высокомѣріе ярыхъ патріотовъ дѣлается въ такомъ случаѣ просто безсмысліемъ.

Мы видѣли выше, что нерасположеніе Европы къ Россіи имѣло главною причиною политику прежнихъ русскихъ правительствъ, постоянно противъ всякаго рода свободы въ Европѣ направленную. Каждый разъ, когда случались польскія возстанія, Европа находила новую пищу для своихъ непріязненныхъ чувствъ къ Россіи. Европа не могла быть безпристрастною, взирая на борьбу русскихъ съ поляками. Какъ это, въ такихъ случаяхъ, обыкновенно бываетъ, люди вообще брали сторону слабаго противъ сильнаго. Изъ всѣхъ польскихъ возстаній, послѣднее (1863) было самое печальное, чтобы не сказать безразсудное, наименѣе оправдываемое тогдашнею поли-

гикою русскаго правительства относительно къ царству польскому. Между тѣмъ и тутъ, вопреки очевидной несправедливости, европейское общее мнѣніе, поддерживаемое и подстрекаемое на этотъ разъ нѣкоторыми правительствами, съ новымъ усиленнымъ негодованіемъ опрокинулось на Россію. Кто можетъ сказать на сколько эти симпатіи со стороны Европы, хотя и ограничившіяся только словами, содѣйствовали и возбужденію и, особенно, продолженію кроваваго возстанія? Въ семъ случаѣ неоспоримое вліяніе европейскаго мнѣнія на произшествія, близко до Россіи касающіяся, опять явило свою силу. Прекращеніе возстанія, умиротвореніе Царства Польскаго, благодѣтельная мѣра (1864), превратившая болѣе 3 милліоновъ илотовъ (большинство жителей царства) въ гражданъ самостоятельныхъ, съ укрѣпленіемъ за ними земли, на которой они живутъ, и съ дарованіемъ имъ муниципальнаго самоуправленія (self-government), все это не перемѣнило мнѣнія европейскаго, неблагопріятнаго для Россіи, не ослабило европейскихъ симпатій къ полякамъ: мыслящіе и чувству-

ющіе такъ, ссылаются на тысячи поляковъ, кои, не взирая на различныя амнистіи, продолжаютъ и теперь томиться въ ссылкѣ по внутреннимъ губерніямъ Россіи и въ самой Сибири.

V.

Не идя далѣе, остановимся теперь же на этомъ польскомъ вопросѣ, столь озабочивающемъ Россію.

По введеніи представительнаго образа правленія, подданные Россіи польскаго происхожденія будутъ, конечно, участвовать въ представительствѣ на равнѣ съ русскими людьми. Польза, для поляковъ, неоспоримая, очевидная: они будутъ имѣть все что имѣютъ русскіе; все, кромѣ независимости народной. Это, безъ сомнѣнія, не бездѣлица. Но развѣ нѣтъ иныхъ благъ, кромѣ и прежде независимости? Русское правительство можетъ тогда поставить поляковъ въ такое же положеніе, въ какомъ находятся поляки въ Познани. И эти поляки не имѣютъ народной независимости; но развѣ поляки царства не почувствуютъ

себя счастливыми, перейдя изъ военнаго положенія въ положеніе своихъ земляковъ познанскихъ? И Ирландія не имѣетъ народной независимости. Но вы увидите, какъ Гладстонъ и Брайтъ съумѣютъ обезоружить вѣковую ирландскую ненависть къ Англіи, — и все это совершится посредствомъ добра, милости и справедливости! И хотя примѣръ предковъ остается обыкновенно безполезнымъ для потомства, но не менѣе того, политика сихъ честныхъ и разумныхъ государственныхъ людей въ отношеніи къ Ирландіи подтвердитъ тотъ святой нравственный законъ, что не казни, не конфискаціи, не жестокія вѣковыя преслѣдованія обезоруживаютъ и умиротворяютъ людей; что въ концѣ концевъ все таки надобно прибѣгнуть къ инымъ средствамъ, именно къ тѣмъ, о которыхъ мы здѣсь упоминаемъ: къ милости и справедливости. Добро совершается добромъ. Останутся, конечно, въ Польшѣ и въ эмиграціи поляки непримиримые, коихъ ничто не можетъ удовлетворить кромѣ 22хъ милліонной Польши, отъ одного моря до другаго. Но возгласы ихъ потеряются въ воздухѣ, не отзовутся

въ сердцахъ людей пользующихся всѣми правами гражданскими, и особенно тѣхъ, кои еще не успѣли забыть благодѣяній 1864 года. Желательно только, чтобы теперешнее поколѣніе начало уже пользоваться предлагаемымъ нами преобразованіемъ. Люди забывчивы и безъ конца догадливые польскіе патріоты разсчитываютъ уже какъ, по прекращеніи русскимъ правительствомъ (1864) розни между шляхтою и крестьянами, сіи послѣдніе, во второмъ и третьемъ поколѣніи, сближатся съ высшимъ классомъ и примкнутъ къ сему послѣднему въ противоборствѣ Россіи. Чтожъ касается до опасеній, кои будутъ выражаемы съ нѣкоторыхъ сторонъ по сему дѣлу гражданскаго освобожденія поляковъ, то такихъ опасеній никогда, ни при какихъ реформахъ избѣжать нельзя. Есть люди, которые всего боятся, которые боялись и освобожденія крестьянъ и земскихъ учрежденій и продолжаютъ бояться даже и „Суда присяжныхъ“. Спорить съ этими людьми безполезно. Можно только указать имъ и на Познань и на Ирландію. Развѣ Пруссія призадумалась хотя на минуту, при введеніи пред-

ставительнаго правленія: не изключить ли изъ представительства познанскихъ поляковъ? Развѣ Англія не принимала въ свой парламентъ самыхъ заявленныхъ враговъ Англіи и всего англійскаго: Граттановъ, Окопелей, Обрайеновъ, и пр. и пр.? Не забудемъ, что въ царствѣ Польскомъ большинство населенія состоитъ изъ крестьянъ надѣленныхъ землею. „Мы обезоружили Польшу по крайней мѣрѣ на 40 лѣтъ“, справедливо сказалъ государственный мужъ, предстоявшій дѣлу польскаго освобожденія. Чтожъ касается до западныхъ губерній, то тамъ на каждаго поляка приходится семь русскихъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ большинство избирателей, слѣдственно и представителей, будетъ на сторонѣ русскаго правительства.

Теперь посмотримъ, какое впечатлѣніе произведетъ на Европу это пріобщеніе поляковъ къ конституціонной Россіи. По сію пору Европа преимущественно сочувствовала, такъ сказать, матеріальнымъ бѣдствіямъ поляковъ. Коль скоро сіи бѣдствія прекратятся, — а они прекратятся со введеніемъ

представительнаго образа правленія, — тогда только немногіе, въ Европѣ, будутъ еще скорбѣть о томъ, что поляки не имѣютъ народной независимости. Тогда изчезнетъ вся значительность польскаго вопроса для Европы. Она будетъ совершенно обезоружена въ этомъ отношеніи. Другихъ причинъ и поводовъ къ недоброжелательству европейскаго мнѣнія противъ Россіи, основывавшихся на стремленіи прежнихъ русскихъ правительствъ противъ всего свободнаго въ Европѣ, — при чемъ Европа взваливала на плеча Россіи грѣхи собственныхъ своихъ правительствъ, — такихъ причинъ теперь уже болѣе не существуетъ: все это прошло и почти забыто. Новою представительною реформою русское правительство довершитъ это забвеніе и пріобрѣтетъ сочувствіе со стороны всѣхъ честныхъ и образованныхъ людей въ Европѣ. Справедливость заставляетъ насъ здѣсь замѣтить, что Европа не осталась равнодушною при совершившихся великихъ и полезныхъ преобразованіяхъ въ Россіи. Неоспоримо, что освобожденіе крестьянъ въ Россіи обратило умы и сердца въ Европѣ къ виновнику этаго

благодѣяніи. Одно только несчастное возстаніе польское могло опять уничтожить это сочувствіе и уничтожить до того, что Европа прошла въ молчаніи столь достопамятное и для самихъ поляковъ столь благое дѣло освобожденія въ Польшѣ крестьянъ съ предоставленіемъ имъ земли; она не только молчала, но не хотѣла, чтобы и другіе, т. е. русскіе говорили ей объ этомъ дѣлѣ. Достойно замѣчанія, что даже въ Америкѣ, издатели лучшихъ журналовъ, требуя отъ русскихъ людей извѣстій и статей о дѣлахъ Россіи, печатали ихъ съ благодарностію; но останавливались и возвращали статьи, которыя просто, безпристрастно, описывали польское освобожденіе крестьянъ.

VI.

Взглянемъ теперь на дѣйствіе, которое, введеніе представительнаго образа правленія въ Россіи, можетъ и должно произвести на одноплеменные народы славянскіе и на народы единовѣрные внѣ Россіи.

Съѣздъ въ Москвѣ славянъ показалъ, что нравственная связь между народами славянскими и русскимъ народомъ, пребываетъ неразрывною и болѣе сильною нежели, какъ, вѣроятно, многіе предполагали. Эту связь можно назвать истинно братскою связью. Мы видимъ, что славяне стремятся теперь болѣе и болѣе утвердить эту связь и сдѣлать ее плодотворною. Мы видимъ, какъ они, и именно образованнѣйшіе изъ нихъ, чехи, начали изучать русскій языкъ; мы видимъ, какъ многіе славяне, почувствовавъ необ-

ходимость единаго литературнаго языка для всего славянства, признали таковымъ языкъ русскій. Если нравственная связь славянъ съ Россіею выгодна для славянъ, то она не менѣе выгодна и для самой Россіи. Нравственная сила всѣхъ племенъ славянскихъ должна укрѣпить славянскій элементъ вообще, — укрѣпить и вмѣстѣ возвеличить.

Какъ усилится эта нравственная связь, какое пространное поле представится для дѣйствія со стороны русскихъ славянъ, какія могучія средства найдутся для всеобщаго преуспѣянія славянскаго, когда въ Россіи водворится представительный образъ правленія! Всѣ славяне услышатъ тогда не только голосъ русскаго кабинета въ дипломатическихъ нотахъ, или голосъ нѣкоторыхъ ораторовъ, какъ это было на московскомъ съѣздѣ; но голосъ самого народа русскаго, въ лицѣ его представителей. На этотъ голосъ откликнутся славянскіе народы въ своихъ представительныхъ собраніяхъ, именно чехи, сербы, славяне венгерскіе, отчасти славяне галицкіе, имѣющіе такія собранія; равно какъ и народы единовѣрные, какъ-то

греки, румыны, пользующіеся представительнымъ правленіемъ. Настоящая мысль, настоящія чувства русскаго народа относительно славянъ и всеобщаго нравственнаго союза славянскаго, окажутся тогда во всемъ своемъ свѣтѣ, во всей правдѣ. Конечно и теперь люди разсудительные и добросовѣстные знаютъ, что русское правительство просто, естественно, по связи народнаго родства, народнаго вѣрованія, по человѣколюбію, защищаетъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ внѣ Россіи. Но такихъ людей мало: многіе и между ними, особенно противники русскаго правительства, утверждаютъ, что оно защищаетъ и грековъ, и славянъ, и румыновъ изъ видовъ изключительно политическихъ, своекорыстныхъ, простирающихся даже до завоеваній новыхъ земель, новыхъ подданныхъ; много есть людей, даже честныхъ и добросовѣстныхъ, которыхъ невозможно разувѣрить въ столь неосновательныхъ воззрѣніяхъ. Только голосъ всего народа, въ лицѣ его представителей, довольно силенъ для того, чтобы возстановить правду, отвергнуть клевету, или, по крайней мѣрѣ, заставить ее

молчать. Дипломатическія ноты такой силы никогда имѣть не будуть.

Славяне, сказали мы, признали русскій языкъ общимъ славянскимъ литературнымъ языкомъ. Честь для нашего языка великая. Мы должны стараться заслужить ее. Но въ состояніи ли мы это сдѣлать? Наша литература, которая должна служить, въ нѣкоторомъ отношеніи, образцемъ для всего славянскаго міра, еще молода. Она ростетъ и могла бы расти не по днямъ, а по часамъ, такъ какъ ростетъ у насъ, напримѣръ, судебное дѣло, съ тѣхъ поръ какъ въ открытые суды явились, какъ бы по щучьему велѣнью, не только порядочные судьи и прокуроры, но и превосходные адвокаты и самые разумные присяжные. — Да, она ростетъ, наша молодая литература; но у нея слишкомъ много нянекъ: мы видимъ цѣлые комитеты, совѣты, учрежденные для наблюденія за произведеніями этой молодой и потому самому еще бѣдной литературы, и стоящіе такихъ суммъ, на которыя можно было бы содержать нѣсколько хорошихъ школъ. Даже наши губернаторы,

съ нѣкотораго времени, облечены правами и обязанностями цензоровъ въ отношеніи къ преніямъ уѣздныхъ и губернскихъ управъ. При порядочномъ законѣ о печати, весь этотъ дорогой цѣнзурный генеральный штабъ можно было бы замѣнить двумя или тремя юридическими цензорами *); а губернаторовъ, которымъ и безъ того много дѣла, слѣдовало бы просто уволить отъ новой, столь мало свойственной имъ обязанности, и допустить безъ всякой цензуры печатать рѣчи, произносимыя въ земскихъ собраніяхъ, подъ отвѣтственностію каждаго за слова свои.

---

*) Преслѣдованіе нарушителей закона о печати обыкновенно предоставляется, въ другихъ государствахъ, казеннымъ прокурорамъ. Мы находимъ въ этомъ большія неудобства. Не рѣдко случается, что прокуроры ищутъ, въ усердіи преслѣдованія книгъ и журналовъ, средствъ для успѣха по службѣ. По нашему мнѣнію слѣдуетъ отстранить отъ прокурорскаго надзора *такія искушенія, могущія повредить ему въ общемъ мнѣніи*, и предоставить инисіативу преслѣдованія двумъ, или тремъ цензорамъ-юристамъ, которые представляли бы свои донесенія о находимыхъ ими нарушеніяхъ закона о печати въ то же отдѣленіе палаты, которое утверждаетъ обыкновенные обвинительные акты. Разумѣется, что предъ судомъ преслѣдованіе принадлежало бы, какъ въ обыкновенныхъ дѣлахъ, прокурору.

При свободной печати, наша литература сказала бы свое слово славянскому міру. И если нѣсколько рѣчей сказанныхъ предъ славянами въ Москвѣ и Петербургѣ, произвели такое благое, неожиданное дѣйствіе, то что было бы тогда, когда бы голосъ всего народа, выражаемый его литературою и его представителями, раздался въ земляхъ славянскихъ! Какъ тѣ, кои любятъ Россію, могутъ оставаться равнодушными, хладнокровными при такой мысли!

Этотъ голосъ русскаго народа проникъ бы и въ тотъ мракъ, гдѣ, подъ тяжестію магометанскаго ига, томятся наши единоплеменные и единовѣрные братья, и, еслибъ онъ ихъ не освободилъ, то, по крайней мѣрѣ, онъ ихъ бы утѣшилъ и, можетъ быть, просвѣтилъ!

VII.

Постараемся, наконецъ, вообразить себѣ, какое впечатлѣніе, какое дѣйствіе, введеніе представительнаго правленія въ Россіи произвело бы на Европу.

Во всѣхъ европейскихъ государствахъ существуетъ теперь представительный порядокъ правленія, кромѣ Рима и Константинополя. Папа римскій и султанъ турецкій удержали за собою прежнюю свою власть, утративъ прежнюю свою силу.

Въ нѣкоторыхъ государствахъ представительный порядокъ водворился издавна, въ другихъ лишь въ позднѣйшія времена, иногда спокойно, иногда — въ сопровожденіи бурь и смятеній.

Такое повсемѣстное принятіе представительнаго порядка позволяетъ заключать, что вообще всѣ нахо-

дятъ его наилучшимъ для сохраненія и огражденія общественнаго благосостоянія. И подлинно! Представительный порядокъ есть самое простое, естественное для достиженія сей цѣли средство. Принципій, лежащій въ основаніи сего порядка, вездѣ одинъ и тотъ же: въ мірскомъ сходѣ русской деревни и въ парламентѣ Вестминстера люди сходятся для обсужденія общественныхъ дѣлъ. Только въ селѣ и деревнѣ, такъ какъ и въ нѣкоторыхъ малолюдныхъ кантонахъ Швейцаріи, жители собираются для сего всѣ въ одномъ мѣстѣ. Тамъ же, гдѣ многочисленность жителей сего не позволяетъ, люди собираются для избранія изъ среды своей нѣкоторыхъ лицъ, на коихъ возлагается обязанность заботы и попеченія объ общемъ дѣлѣ земства и которые становятся чрезъ сіе самое представителями избравшихъ ихъ гражданъ, представителями земства.

Мы не можемъ здѣсь входить въ подробности устройства представительнаго порядка въ различныхъ государствахъ. Мы означимъ только сущность онаго, которая состоитъ въ томъ, что представители народа

раздѣляютъ съ правительствомъ власть законодательную, между тѣмъ какъ власть исполнительная всегда принадлежитъ изключительно правительству, а власть судебная пользуется собственною самостоятельностію, независимостію.

Находя, такимъ образомъ, наилучшею изъ всѣхъ системъ управленія государственнаго систему представительную, не удивительно, что европейскіе народы не могутъ обращаться съ полнымъ благорасположеніемъ, съ полнымъ довѣріемъ къ тѣмъ государствамъ, кои лишены сего „наилучшаго“ образа правленія, — и по сему самому, если одно изъ сихъ послѣднихъ, въ свою очередь, пріемлетъ обще-европейскій представительный порядокъ, то симъ самымъ оно необходимо возвышается въ мнѣніи просвѣщенной Европы. И можетъ ли это быть иначе? Въ отсутствіи представительнаго порядка, ни слова, ни дѣйствія, не будучи вполнѣ свободными, не могутъ внушать полнаго довѣрія; самые безпристрастные люди приходятъ въ нѣкоторое сомнѣніе, такъ какъ въ этихъ странахъ нѣтъ выбора для слова и для дѣла: необхо-

димо говорить и дѣйствовать только въ одномъ извѣстномъ, дозволенномъ смыслѣ, или молчать и сидѣть сложа руки. По тому-то самыя заслуженныя, самыя безпристрастныя похвалы, въ глазахъ людей недовѣрчивыхъ, и недовѣрчивыхъ не безъ причины, идутъ на ряду съ приторными восклицаніями многорѣчивыхъ поклонниковъ власти и только власти.

Державинъ сказалъ:

„Рабъ и похвалить не можетъ:
Онъ лишь смѣетъ только льстить.“

Въ этихъ словахъ есть, безъ сомнѣнія, какой-то поэтическій задоръ. Но смыслъ ихъ, въ нѣкоторой степени, изъясняетъ то мнѣніе, которое имѣетъ образованная Европа о странахъ лишенныхъ представительства.

Съ водвореніемъ представительнаго порядка въ Россіи, Европа лучше узнала бы Россію, русскій характеръ, складъ русскаго ума, — однимъ словомъ все чего она не знаетъ, чего даже не подозрѣваетъ, и что плохо знаютъ даже сами русскіе, сидя молча

каждый въ своемъ углу, никогда не встрѣчаясь на земскомъ пиру свободнаго слова.

Мы говоримъ это безъ всякаго увлеченія. Слова наши уже вполнѣ оправданы опытомъ. Кто до 1861 года могъ предвидѣть, предугадать, въ полной мѣрѣ, тѣ добрыя качества, скажемъ ту доблесть, которую явилъ русскій народъ всѣхъ сословій въ годину освобожденія? Кто могъ предвидѣть это безпримѣрное умиротвореніе между двумя сословіями, изъ которыхъ одно пріобрѣтало новыя права, а другое лишалось старыхъ правъ, умиротвореніе, ознаменовавшееся столь блистательно въ земскихъ собраніяхъ? Кто могъ предугадать то пониманіе, то разумѣніе, съ какими русскій народъ принялъ и такъ скоро усвоилъ себѣ новый судебный порядокъ? Мы замѣтили выше, что въ то время и столь же неожиданно явились и русскіе адвокаты такіе, какихъ можно было надѣяться видѣть только въ странахъ пользующихся съ давнихъ временъ подобными судебными порядками. Здѣсь замѣтимъ, что сверхъ всего этого насущнаго, необходимаго, Европа узнала бы, что въ Россіи водятся и

настоящіе ораторы политическіе, которые не уронили бы себя въ любомъ парламентѣ. Когда-то въ московскомъ дворянскомъ собраніи трактовали, въ продолженіе только двухъ или трехъ дней, объ одномъ настоящемъ политическомъ предметѣ: и тутъ, посреди людей, говорившихъ очень порядочно, парламентарно, явился истинный ораторъ!

Всѣ эти столь утѣшительныя проявленія служатъ вѣрнымъ залогомъ, что введеніе представительнаго правленія, къ коему почва такъ несомнѣнно и такъ достаточно приготовлена, обѣщая Россіи новое счастіе, новую жизнь, новую бодрость, новую силу для столь же необходимаго какъ и благотворнаго преуспѣянія, — обѣщаетъ для образованнаго міра и новое обаяніе, несравненно лучшее стараго, на матеріальной силѣ, на страхѣ основаннаго и нераздѣльнаго съ чувствомъ нѣкоего нерасположенія, нѣкоторой вражды.

Но такъ ли это будетъ на самомъ дѣлѣ? Съ тою степенью гражданской и политической образованности, на которой стоитъ теперь русскій народъ; при тѣхъ

физическихъ невыгодахъ, которыя обусловливаются нашимъ климатомъ, физическимъ состояніемъ страны, можетъ ли Россія когда нибудь стать на ряду съ западною Европою, гдѣ стародавняя сивилизація, гдѣ благорастворенный климатъ, гдѣ самое географическое положеніе, столь сильно содѣйствовали гражданскому, нравственному и наконецъ матеріальному развитію и благосостоянію народовъ?

Что касается до возможности для русскаго народа усвоить себѣ тѣ гражданскія и политическія блага, коихъ Европа достигла долговременнымъ опытомъ, то мы не будемъ разпространяться въ доказательствахъ такой возможности. Въ нѣкоторомъ смыслѣ можно сказать, что всѣ люди сотворены для добра; всѣ люди имѣютъ прирожденное право на всякое добро, возможное для людей; всякое полезное изобрѣтеніе, плодъ ума одного геніальнаго человѣка, принадлежитъ всѣмъ людямъ, и они дѣйствительно усвоиваютъ его себѣ по мѣрѣ возможности; и если изобрѣтеніе книгопечатанія, если изобрѣтеніе паровой машины разпространились повсюду и сдѣлались достояніемъ

всѣхъ народовъ, то мы не видимъ почему не можетъ, не должно такъ же разпространяться и дѣлаться достояніемъ всѣхъ народовъ, изобрѣтеніе „наилучшаго“ образа правленія, признаннаго таковымъ всѣми образованными народами. Впрочемъ о возможности воспріятія и усвоенія себѣ русскимъ народомъ этаго образа правленія, по крайней мѣрѣ теперь, уже спорить нельзя, такъ какъ народъ русскій предъ всѣмъ свѣтомъ доказалъ, что онъ усвоилъ себѣ съ неожиданнымъ успѣхомъ и освобожденіе личное, и земскія учрежденія, и здравое судопроизводство, въ которомъ особенно удачно совершилось введеніе суда присяжныхъ, изъ самой среды, изъ самой глубины массы народной выходящихъ.

Чтожъ касается въ особенности до климата, то съ этой стороны, конечно, Россія находится весьма въ невыгодныхъ условіяхъ и окружена различными затрудненіями, неизвѣстными жителямъ западной Европы. Эти непреодолимыя для человѣка препятствія слѣдуетъ признать и примириться съ ними. Между тѣмъ эти препятствія совершенно ничего не доказываютъ

противъ возможности нравственнаго, умственнаго развитія народа. Если они имѣютъ какое нибудь невыгодное дѣйствіе, то это на развитіе матеріальное. Но въ такомъ положеніи вещей, здравый смыслъ указываетъ, что слѣдуетъ не предаваться отчаянію въ виду неравной борьбы съ природою; но стараться восполнить силами нравственными, умственными, недостаточность силъ физическихъ, матеріальныхъ. Такъ это и бывало на семъ свѣтѣ: мы видимъ, что народы сѣвера, въ суровомъ климатѣ живущіе, часто опережали народы юга на поприщѣ гражданственности.

Дѣйствіе, которое можетъ произвести на Европу введеніе представительнаго правленія въ Россіи, будетъ тѣмъ вѣрнѣе, тѣмъ сильнѣе, что оно будетъ имѣть основаніемъ не одно обаяніе, всѣми великодушными дѣяніями внушаемое, но также и самую дѣйствительность укрѣпленія, возвеличенія, силъ россійскаго государства.

И подлинно! Земскій соборъ соединитъ представителей всѣхъ разнородныхъ жителей Россіи. Для всѣхъ и каждаго будетъ полезно, выгодно, благодѣ-

тельно участвовать болѣе или менѣе въ семъ представительствѣ, бывъ избраннымъ или избирателемъ. Пусть нѣкоторыя населенія Россіи почитаютъ себя нѣмецкими, польскими, и пр. и пр. Но участвуя въ общемъ представительствѣ, они будутъ неизбѣжно тяготѣть исключительно къ единому средоточію: ко всероссійскому „Земскому Собору“, гдѣ каждое изъ сихъ населеній найдетъ свое мѣсто; и такъ какъ на этомъ соборѣ всѣ должны будутъ говорить по русски, то инородцы найдутъ не только необходимымъ, но и выгоднымъ основательно изучать языкъ русскій, употребленіе котораго разпространится такимъ образомъ само собою, безъ всякихъ искусственныхъ, принудительныхъ мѣръ. Тяготѣть балтійскимъ нѣмцамъ къ Германіи, полякамъ царства къ чему или кому бы то ни было, не будетъ никакой возможности. Продолжая почитать себя одни нѣмцами, другіе поляками, третьи татарами, грузинами и т. д., всѣ они будутъ и не могутъ не быть — и прибавимъ: даже не захотятъ быть — ничѣмъ инымъ, какъ вѣрноподданными россійскаго государства, наровнѣ со всѣмъ русскимъ народомъ.

Кто же не согласится, что такое преобразованіе должно увеличить не только обаяніе, но и самую дѣйствительную силу Россіи, въ отношеніи къ другимъ европейскимъ народамъ? .... и Европа это скоро почувствуетъ.

VIII.

Если насъ спросятъ: Кто же можетъ совершить такое благое, великое дѣло? — то мы отвѣтимъ другимъ вопросомъ: кто освободилъ 23 мил. крестьянъ? Кто даровалъ земскія учрежденія? Кто учредилъ мировыхъ судей? Кто преобразовалъ судебный порядокъ и ввелъ въ судъ присяжныхъ? Кто улучшилъ участь русскихъ солдатъ?

Творцу всѣхъ этихъ огромныхъ благодѣяній должны принадлежать честь и слава и новаго ожидаемаго нами благодѣянія, которое увѣнчаетъ прежнія и, въ нѣсколько лѣтъ, спокойно, совершитъ въ Россіи то, что̀ въ другихъ земляхъ достигалось вѣками, съ борьбою и съ безчисленными жертвами.

Отъ него, отъ царя-освободителя и отъ него еди-

наго, отъ него изключительно, мы всего ожидаемъ, всего надѣемся. „Сердце его въ рукѣ Божіей!“

Но въ Россіи какъ и вездѣ, есть такъ называемое „правительство“, т. е. министры и другіе высокопоставленныя лица, окружающія престолъ — „власти предержащія“.

Мы не будемъ говорить, что между министрами встрѣчаются иногда и Полиньяки и Меттерних, а изрѣдка и Аракчеевы; мы только позволимъ себѣ напомнить, какую роль играли наши „предержащія власти“ въ освобожденіи крестьянъ. Ни для кого не тайна, что между министрами, между членами государственнаго совѣта и между прочими высокопоставленными лицами, это освобожденіе нашло гораздо болѣе противниковъ, нежели поборниковъ.

По всѣмъ вѣроятіямъ, такимъ же образомъ и неминуемо будетъ встрѣчена и мысль о введеніи представительнаго порядка. Тогда они готовили одинъ или два батальона для усмиренія ожидаемаго бунта, который мерещился въ ихъ больныхъ головахъ при объявленіи манифеста. Теперь, можетъ быть, выста-

вятъ цѣлую армію для укрощенія людей, которые взбунтуются при дарованіи имъ новаго, въ теперешнемъ положеніи самаго важнаго, благодѣянія!

Намъ сдается однакоже, что, по крайней мѣрѣ, между господами министрами найдется одно изключеніе: министръ иностранныхъ дѣлъ, находящійся въ безпрестанныхъ сношеніяхъ и переговорахъ съ иностранными державами, долженъ почувствовать несравненно большую удобность сноситься и вести переговоры, какъ министръ конституціоннаго государства, съ другими конституціонными министрами.

. . . . . .

„До Бога высоко, до царя далеко!“ Эта пословица и до нынѣ не потеряла вовсе своего смысла. Не легко общему чувству, народному голосу достигнуть до высоты престола; не легко тѣмъ болѣе, что мнѣніе общественное не можетъ свободно высказываться ни на словахъ, ни въ печати. Въ этомъ отношеніи многое, конечно, улучшилось. Но „власти предержащія“, какъ вездѣ и какъ всегда, крѣпко придерживаются къ власти, особенно каждый министръ

къ своей собственной власти. Вокругъ ихъ правительства образуется густая атмосѳера, чрезъ которую не можетъ проникнуть робкій лепетъ печати, изъявленіе мнѣнія людей наиболѣе заслуживающихъ всеобщаго вниманія. Нельзя не уважать тѣхъ труженниковъ, кои посвятили себя на неблагодарный трудъ ходатаевъ за благо народа и государства. Но вмѣстѣ нельзя и не удивляться ихъ долготерпѣнію, ихъ постоянству въ безплодномъ трудѣ, — безплодномъ, впрочемъ, теперь, но который найдетъ, можетъ быть, себѣ должное возмездіе, хотя бы въ поздней признательности потомства. „За царемъ служба не пропадаетъ“, говоритъ другая русская пословица. Да не пропадетъ она и за народомъ! — хотя, по истинѣ, служба въ виду достиженія представительнаго порядка совершаемая, есть служба не только народу, но и служба царю. Въ этомъ мы убѣждены вполнѣ и всею душею желаемъ достиженія этой цѣли изъ любви къ народу и равно изъ любви къ царю, ко благу народа и къ славѣ царя!

Мартъ 1869 г.

Издані Ф. А. БРОКГАУЗА въ Лейпцигѣ:

ЧЕГО ЖЕЛАТЬ ДЛЯ РОССІИ?

(Que faut-il désirer pour la Russie?)

8°. 1 Thlr. 10 Sgr.

ОТВѢТЪ

„ОСТРОЖСКОЙ ЛѢТОПИСИ".

Réponse à la Chronique d'Ostrog.

PAR

N. TOURGUENEFF.

8°. 4 Sgr.

Въ типографіи Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.